

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(100):314.148

doi: 10.17072/2219-3111-2017-1-189-197

**МИРОВАЯ ИСТОРИЯ СТАРЕНИЯ:
ОТ АНТИЧНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ¹*****М. В. Ромашова***

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
romasha09@gmail.com

Представлены размышления о проблеме старости, поднятые Дэвидом Дж. Троянски в книге «Старение в мировой истории» (Aging in World History). Старение населения в XX и XXI вв. стало серьезным вызовом обществу, властям, системе социальной защиты, породило страхи и опасения и в то же время открыло новые возможности для старых людей. Старость превратилась в универсальный этап жизни, до которого прежде не все доживали. Все это повышает интерес к истории старости и поиску ответов на вопросы: как люди становились старыми несколько десятилетий или веков назад, что их ожидало в поздний период жизни, как они представляли старость и как ее представляли другие, какие ее культурные репрезентации до сих пор устойчивы, как в том или ином обществе преодолевались страхи и опасения, связанные с естественным процессом старения, готово ли общество принять изменяющуюся роль, потребности и возможности старых людей. Рассмотрены историографические дискуссии, методы и дисциплинарные подходы в изучении истории старости. Обозначены основные тематические блоки, исследовательские вопросы, которые могли бы пригодиться российским историкам, занимающимся проблемами старости и старения. Кратко рассмотрена литература по советской истории старости.

Ключевые слова: старость, демографическое старение, репрезентации, модернизация, медицинализация, геронтология, глобальный контекст.

«Седая революция», или старение населения в XX и XXI вв., бросила вызов обществу, властям, системе социальной защиты, породила страхи и опасения и в то же время открыла новые возможности для старых людей. Старость превратилась в универсальный этап жизни, до которого прежде не все доживали. Через несколько десятилетий (к 2050 г.) каждый пятый человек на планете будет старше 60 лет. Все это увеличивает интерес к истории старости и поиску ответов на вопросы: как люди становились старыми несколько веков или тысячелетий назад, что их ожидало в старости, как они представляли старость и как ее представляли другие, какие ее культурные репрезентации до сих пор устойчивы.

Д. Дж. Троянски – профессор истории в Бруклинском колледже в Городском университете Нью-Йорка, автор монографии «Old Age in the Old Regime: Image and Experience in Eighteenth-Century France» (Ithaca: Cornell University Press, 1989). Будучи признанным специалистом по европейской истории, он получил предложение написать первую глобальную историю старения от Питера Н. Стернса, редактора издательской серии «Темы в мировой истории» («Themes in World History»). Цель данной серии – дать серьезный, но при этом краткий обзор новаторской литературы по важным темам мировой истории, стать дополнением к учебникам и коллекциям документов.

У этой серии, на первый взгляд, узкая целевая аудитория – студенты, которые получают возможность рассмотреть конкретные аспекты человеческой истории немного глубже, чем это обычно позволяет учебник, и познакомиться с дискуссиями и исследовательскими методами на практике. В то же время редакторы серии и авторы опубликованных в ней книг (по гендерной истории, истории болезней и медицины, миграции, еды и т.д.) обращаются и к более широкой публике, интересующейся историей и историографией той или иной темы. Каждая из них рассматривается в контексте дискуссий о переменах и преемственности, оценивается с позиций разных обществ и религий, сравниваемых на основе релевантных сходств и различий.

Книга Д. Дж. Троянски «Старение в мировой истории», вышедшая в 2016 г. в издательстве Routledge (Нью-Йорк и Лондон), является своего рода путеводителем по истории старения и ста-

рости в разных цивилизациях [Troyansky, 2016]. В этой книге начинающий исследователь найдет все, что необходимо для погружения в тему: важные историографические дискуссии, рекомендации по литературе, перечень проблем, анализ классических текстов и репрезентаций, выход на мало изученные, но перспективные исследовательские темы. Обычный читатель познакомится с драматической историей старения и старости, полной взлетов и падений, вдохновляющей и разочаровывающей, но дающей представление о том, что естественный процесс старения был и остается источником страхов и опасений, которые каждая культура и общество преодолевают и проживают по-своему.

В изучении истории старости и старения существуют разные историографические традиции: в одних работах основной акцент делается на изучении демографических проблем, осознанных демографических вызовов и материальных аспектов (численность старых людей, их географическое распределение, условия проживания; их домохозяйства и семейные отношения; социальное обеспечение и медицинское обслуживание); в других исследованиях больше внимания уделено культурным репрезентациям старости, гендерным различиям и т.д. [Thane, 2003, p. 93–111]. Д. Троянски в какой-то степени подводит итог развитию исторических исследований старения и старости за несколько десятилетий.

Как отмечает автор, большая часть литературы по истории старости написана западными исследователями и относится к Западу (Европа и Северная Америка). Ему понадобилось немало времени, чтобы вывести свою обобщающую работу за эти географические рамки, показать как индивидуальный опыт мужчин и женщин, так и демографические модели старения в странах Азии, Африки, Европы и Америки. При этом он сохраняет внимание к культурным традициям, историческим контекстам, зафиксированным как в исторической, так и в антропологической, социологической, демографической, геронтологической литературе. Сохранение глобального контекста дает возможность посмотреть на старость и старение во взаимосвязи и взаимовлиянии, к примеру, в том случае, когда выработанные на Западе модели, стандарты, представления о старении распространились принудительно (вместе с христианством, колонизацией, капитализмом и т.д.) и оказывали сильное влияние на другую часть мира. В связи с этим интересно проследить, какое место в своем историографическом обзоре Д. Троянски отводит старению в России. Но, прежде чем обратиться к этому аспекту работы автора, стоит остановиться на содержании книги «Старение в мировой истории».

Она состоит из пяти разделов. Первый раздел знакомит с теоретическими аспектами старения и существующими подходами, с работами, внесшими вклад в изучение проблематики, представляет взгляд историков и антропологов на старение и старость, а также погружает в античный мир и сформировавшиеся в нем установки, репрезентации, устойчивые до сих пор (p. 1–36).

Интерес западных историков к изучению феномена старости возник на фоне последствий демографического старения населения и все новых его интерпретаций: от триумфа над смертью до страха национальной деградации. Историки увидели, что положение старых людей может быть объяснено особенностями перехода от традиционного общества к современному. Здесь сталкивались два оппозиционных друг другу нарратива: история прогресса, продлившего человеческую жизнь и изменившего отношение к ее позднему периоду, и история упадка, основанная на представлениях о золотых временах для старости и большом уважении к ней в традиционном обществе. Утрата достоинства и прежнего высокого статуса старыми людьми вместо сохранения прежнего авторитета и власти – главная тема исторических исследований, написанных в русле теории модернизации. В таких работах ключевыми были социально-исторические темы, но затем появлялись издания, где обращалось внимание на культурные репрезентации, субъективное восприятие старения, гендер, классовые различия и многие другие темы.

Большой вклад в изучение старости внес британский историк Питер Ласлетт, который вел не только исследовательскую, но и практическую работу по вовлечению пожилых людей в интеллектуальную жизнь в университетах третьего возраста в Великобритании. Он предложил разделить жизненный цикл современного человека на четыре стадии. Две последние стадии (третий и четвертый возраст) соответствуют «молодым старикам» (до 75 лет) и «старым старикам». Главное различие их состоит в активной жизни и состоянии независимости в третьем возрасте и зависимости в четвертом.

Значимое влияние на историков оказали антропологи и их исследования. Важным антропологическим открытием стало признание, что около 30 тыс. лет назад останки старых людей превышали численно останки молодых взрослых особей. Именно с этого момента наши предки начали доживать до рождения своих внуков. Этот демографический поворот совпал с бурным ростом культурного производства и привел, возможно, к возникновению новых традиций, стал движущей силой создания прогрессивных технологий. Так, можно увидеть связь между удлинением человеческой жизни и расцветом человеческой культуры.

Перед появлением больших городских цивилизаций общими для культур и обществ, основанных на сельском хозяйстве, в Азии, Европе и Африке были контроль старшего поколения над собственностью, наличие культурных норм, предусматривающих преданность старым родителям, а также некоторые специализированные функции для пожилых людей в политике и религии.

Классические цивилизации от Индии и Китая до Ближнего Востока и Средиземноморья создали модели жизни, старения и смерти, оставшиеся актуальными на века и даже тысячелетия. Для Д. Троянски важны изначальные контексты, в которых они возникли и существовали, а также мышления и репрезентации, которые надолго пережили их самих, став важным культурным наследием.

Индуизм, конфуцианство, буддизм с их идеями почтения, заботы о престарелых родителях, представлениями о человеческом теле по-прежнему определяют суть индийской и китайской культур как в самих странах, так и в диаспорах по всему миру, хотя, как отмечает Троянски, ученые ставят под сомнение западную идеализацию восточного старения. Древняя Греция оставила как позитивные, так и негативные культурные репрезентации старости и старения, акцентировавшие богатство человеческого опыта, медицинские теории старения, оказавшие глубокое влияние на представления о стареющем теле. Исследователи отмечают, что римляне представляли старость как время потерянных возможностей, физического и умственного ослабления, но также как время авторитета, если старики сохраняли свою независимость. Ключевым было не то, как стареть, но то, как быть активным и полезным. Слова Марка Туллия Цицерона звучат вне времени: «Ведь старость внушает к себе уважение, если защищается сама, если охраняет свои права, если не перешла ни под чью власть, если она до своего последнего вздоха главенствует над окружающими ее близкими». Троянски делает вывод о том, что античные цивилизации предложили идеи и репрезентации, которые могли помочь людям, переживавшим исторические перемены, понять собственные жизни. По этой причине они оставались универсальными на протяжении многих веков.

Во втором разделе прослеживается трансформация индивидуального опыта старения и демографические последствия важнейших событий Средневековья и Возрождения (р. 37–64). Знакомство с многочисленными исследованиями представлений о старости в разных религиях дает возможность Троянски провести параллели между фактически всеми крупными цивилизациями и религиями. Конфуцианство, индуизм, иудаизм – все эти религии и учения утверждают уважение к старшим. Христианские идеи отражали уход от языческого и иудейского прошлого, отказ от старого способа мышления, с которым ассоциировалось старшее поколение. Христианская религиозная практика включала риторику перерождения и обновления, поэтому в христианской традиции использована старость как метафора телесности и греховности в отличие от молодости – как метафоры души и спасения.

Средневековый эпос также фокусировал свое внимание на молодости и силе, в то время как в повседневной жизни можно обнаружить серьезную девальвацию старости. В эпоху насилия (межклановые войны, крестовые походы, военные вторжения и т.д.) молодость получила свои привилегии, и смерть в бою рассматривалась более героической, чем смерть от старости.

Не менее серьезное воздействие на средневековое европейское общество и культуру оказала эпидемия чумы. Одни исследователи говорят о погружении в земные заботы как следствии «черной смерти», другие – о возрождении религиозности. Многие в этих интерпретациях зависят от географии и источников. Но главным последствием эпидемии стало значительное старение населения, так как основной жертвой чумы стала молодежь. В связи с этим распространяется практика письменных завещаний или устных договоренностей о содержании стариков; распространенным феноменом становится вдовство. У мужчины было больше шансов жениться повторно, но женщина вместе со статусом вдовы получала значительную автономию и даже право управления собственностью умершего мужа.

Следующий за Средневековьем Ренессанс возрождает интерес к античному культурному наследию, но, возобновив свои связи с античным миром, он инстинктивно испытывает эллинистический ужас по отношению к старости. Судя по культурным репрезентациям эпохи, пессимистичный взгляд на старость, маргинализирующий ее, был распространен повсеместно. В то же время Троянски все время напоминает нам, что подобное отношение к старости могло быть не столько отражением собственной эпохи, сколько возможным заимствованием из другой.

Третий раздел демонстрирует культурные и демографические последствия перехода к современности для старых людей (р. 65–78). Культурный поворот, ассоциирующийся с началом эпохи Просвещения во Франции, связан с переходом от религиозного к более светскому взгляду на старость и представлениями о выполнении человеком земной роли, а не о подготовке к смерти. Если раньше старость была шансом немногих, то теперь взрослые получили возможность жить до 60 лет и более. Старики из идеализированных или нелепых философских и литературных образов превратились в реально существующих. Они стали видимы в повседневной жизни. В XVIII в. получили распространение институты, которые помогали старым людям: богадельни, госпитали и др. Центром медицинского изучения старости стал Париж, где исследовательские госпитали играли наиважнейшую роль. Труды, появившиеся там, определяли развитие научных медицинских представлений о старости вплоть до XX в., пока этот центр не переместился в США.

Информированность о том, что значит стареть, способствовала большим общественным размышлениям о нуждах пожилых в эпоху Французской революции. На практике мало что было достигнуто, но это положило начало долгим публичным дискуссиям и предвосхитило появление в XX и XXI вв. многих социальных и экономических прав. В ряде культурных репрезентаций начала XIX в. исследователи видят враждебное отношение к старости, вдохновленное революцией, но во второй половине столетия европейская культура опять обратила внимание на старых людей.

Одним из последствий увеличения продолжительности жизни стал более общий опыт совместного проживания старых родителей и взрослых детей. Прародительство приобретает новые очертания, становится неотъемлемой частью социализации младшего поколения. На протяжении XVIII и XIX вв. образ прародителей, властных фигур, напоминающих о родстве и предках, трансформировался до образов дедушек и бабушек, балующих внуков и эмоционально к ним привязанных, выступающих медиаторами в конфликтах родителей и детей. «Старомодные» представления о деспотичных, авторитетных фигурах старшего поколения семьи сохранялись в консервативных аристократических и католических кругах, в то время как образ любящего дедушки или бабушки был распространен среди представителей среднего класса. К сожалению, как отмечает автор, очень мало информации о дедушках и бабушках из рабочей и крестьянской среды, но они играли, вероятно, важную роль в передаче традиций и ценностей народной культуры.

Культурные перемены в отношении старости, начавшиеся во второй половине XVIII в., происходили на фоне некоторого увеличения средней продолжительности жизни людей в западном мире. Демографическое старение населения набрало темпы с середины XIX в. и продолжилось в XX и XXI вв. Одним из признаков, по которым историки определяют современность, являются демографические тенденции двух последних веков. Исторические демографы говорят о старом и новом демографических режимах. Старый режим характеризовался высокими показателями смертности и рождаемости, новый режим – уменьшением обоих показателей. Переход из одного режима в другой мог быть как быстрым (несколько десятилетий в менее развитых странах во второй половине XX века), так и медленным (несколько веков и более в западноевропейских обществах).

Основным теоретическим подходом при изучении тенденций старения населения стала теория демографического перехода. Она объясняет переход от модели общества, которое имеет треугольную возрастную структуру – с высокой рождаемостью и высокой смертностью, к модели общества с прямоугольной возрастной структурой, где существует низкая рождаемость и низкая смертность. В конце XX в. стало очевидно, что классическая теория перехода не соответствует происходящим в обществе переменам. Некоторые исследователи говорят о том, что этот процесс продолжится до конца XXI в. и приобретет более глобальные размеры, чем предполагалось ранее.

В четвертом разделе рассматриваются новые явления, связанные со старостью. Они ассоциируются с современностью: социальные условия XIX и XX вв., в которых население стало рассматриваться в терминах возраста, гендера и классовой дифференциации, а старость конструировалась как социальная проблема; продолжение дискуссии о роли старения в усилении или ослаблении на-

ции в контексте колониализма, империализма и деколонизации; появление института пенсий и практики ухода с работы как истории системы социальной защиты и государства всеобщего благосостояния (р. 79–103).

Троянски в этом разделе прослеживает появление на Западе социальной политики, институтов социального обеспечения. Рассматривая историю пенсий, анализируя политическую риторику времен Французской революции о нуждающихся стариках, автор отмечает, что все идеалы Просвещения и революции были забыты практически сразу. Но дискуссии продолжились и становились более острыми, несмотря на развитие капитализма и либерального индивидуализма, предполагавших отказ государства от помощи какой-либо возрастной группе. Нуждающиеся, бедные старики, особенно из рабочего класса, были неприятным «открытием» для многих европейских стран и в числе первых претендентов на заботу. Старость стала определяться как социальная проблема, общественные и частные пенсии начали появляться в разных странах, а пенсионер стал ассоциироваться со старым нуждающимся человеком. Постепенно круг получающих пенсии расширился до представителей среднего класса, как и видоизменилась схема их финансирования. Это означало поворот от индивидуализма к межпоколенческой солидарности. Идея о том, что нужды старых людей должны быть удовлетворены и государство должно принять активное участие в обеспечении защиты старых людей, постепенно была признана всеми политическими силами.

Главу о старости в контексте колониализма, империализма и деколонизации Троянски помещает между главами о конструировании старости как социальной проблемы и о появлении государств всеобщего благосостояния. Тем самым автор стремится придать этой теме более глобальный оттенок и обратить большее внимание на то, как на территориях, оказавшихся под контролем европейских империй, эти западные демографические, культурные и социально-экономические явления сталкивались с культурными традициями.

Истории европейских «открытий» и колонизации по большей части написаны по источникам, созданным завоевателями. Конечно, в некоторых из этих описаний авторы пытаются понять неизвестную им культуру, но чаще они инфантилизируют ее или представляют деградирующей. Поэтому истории «открытий» должны пересматриваться с позиции столкновения высокоразвитых культур и цивилизаций, а не с позиции миссионера.

Влияние деколонизации на представления о возрасте схоже с революционными и постреволюционными репрезентациями возраста как в Европе, так и в Азии. В них мы можем найти молодых людей, борющихся со старым деспотическим прошлым. Но революционные режимы нередко использовали стариков как носителей памяти о прошлых страданиях и несправедливости. А для миллионов людей быстрые политические перемены означали старение в мире, отличающемся от того, в котором они выросли. Как отмечает Троянски, новая история старения в контексте колониализма и деколонизации до сих пор еще не написана. Прежде чем она появится, необходимо обратить внимание на результаты длительного и сложного взаимодействия разных культурных миров, заимствований и адаптаций, на конкретные обстоятельства и стили жизни колонизированных.

Пенсии и выход на пенсию являются ключевыми темами последней главы четвертого раздела, посвященного старости и модерности. Европейские государства всеобщего благосостояния предложили те решения социальных проблем, которые станут моделью для большей части мира. В отношении пожилых это гарантия минимальных стандартов жизни на пенсии, рассматриваемой в качестве награды за многие годы работы. Основными получателями пенсий сначала были городские заводские рабочие, позже сельские, а затем и средний класс. Расцвет государств всеобщего благосостояния приходится на послевоенный период, 1950–1970-е гг. В связи с экономическим спадом обязательства, принятые на себя государством, стали подвергаться критике в 1980-е, но их сокращение, а уж тем более отказ от них, так и не произошли. Очевидно, что избиратели из среднего класса дорожили пенсиями по старости. В то же время многие исследователи по-прежнему говорят о кризисе, который переживает государство всеобщего благосостояния, и предполагают, что золотому пенсионному веку наступит конец.

В публичных дебатах получила развитие идея о том, что государственная политика распределения доходов все меньше предусматривает перераспределение между богатыми и бедными и все больше – между поколениями (поколение эпохи Великой депрессии, поколение бумеров, постбумеров и т.д.). В контексте межпоколенческого конфликта можно говорить о социально защищенных поколениях, победителях, поколениях эгоистов, получивших максимум, и проигравших, их

детях и внуках, имеющих призрачные шансы на социальное (пенсионное) обеспечение.

В пятом разделе рассматривается старость в контексте глобализации, медиализации и появления науки, объектом изучения которой стала старость (р. 105–146). В главе 11 концентрируется внимание на глобальном контексте современного старения на примерах Африки, Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также бывших коммунистических стран, переживших быстрые трансформации, которые серьезным образом повлияли на старых людей.

Демографы, экономисты и многочисленные неправительственные организации беспокоятся о наступившем демографическом старении этих регионов. Они ускоренными темпами проходят то, что в странах Запада заняло не один век, и сталкиваются с теми же вызовами. Правда, автор отмечает спорность вопроса о том, обязательно ли воображаемые «незападные» общества должны идти тем же путем, что и западные страны, заимствовать выработанные ранее модели, инструменты и перенимать их более ранний опыт и даже опасения. Чтобы избежать негативных последствий, эксперты предлагают смотреть на мир как взаимозависимый и учиться на ошибках друг друга, сохраняя при этом признанные достижения. К числу таковых относится появление специализированных научных знаний о старости и старении, оформившихся в отдельные дисциплины – гериатрию и геронтологию.

Современные гериатры ведут свое начало с появления медицинской практической деятельности и публикаций второй половины XIX в., когда клиническая медицина предложила детальное изучение субъекта старения, и начала XX в., когда определились предметные поля гериатрии и геронтологии. Особую роль в этом сыграла французская гериатрическая медицина, занимавшаяся новейшими исследованиями процесса старения и способов лечения старческих заболеваний.

После Второй мировой войны на гериатрию повлияли общие медицинские открытия: появление антибиотиков, изменение медицинских технологий, возникновение пластической, глазной хирургии, трансплантации органов, гормональной терапии и др. Но более важным стало медицинское сопровождение человека на всех этапах его жизни начиная с детства. Удлинение жизни привело к «открытию» заболеваний в старости (болезнь Альцгеймера и др.), изучение которых до сих пор продолжается, поскольку современные методы терапии не позволяют ни остановить, ни замедлить развитие заболеваний. Это влияет на представления о старости в современном мире, порождая страх того, что подобное заболевание ожидает в будущем каждого. Геронтология же к середине XX в., в отличие от гериатрии, так и оставшейся медицинским термином, оказалась мультидисциплинарным исследовательским полем, включившим общественные и отчасти гуманитарные науки.

Социологические теории глубже всего проникли в историческую литературу о старости и старении. Современные историки сегодня чаще всего обращаются к теориям возрастной стратификации, жизненного цикла, социального конструирования, феминизма, политической экономии.

В начале XXI в. старение становится темой всеобщего беспокойства. Это характерно как для стран, переживающих демографическое старение и породивших целые индустрии обслуживания пожилых, так и для стран, которые имеют относительно высокий процент молодых людей и не воспринимают демографическое старение населения как вызов.

До определенной степени каждая культура полагается на собственную традицию, собственный способ трактовки старости, собственные социальные и культурные практики, структуры домохозяйства, собственные идеи коллективной ответственности и индивидуализма. Идя разными путями, мы, тем не менее, оказались в общей ситуации столкновения со стареющим населением и можем познакомиться с опытом друг друга. Сегодня можно прогнозировать, что произойдет, если население всего мира или по крайней мере жители развитых стран будут жить до ста лет, какими будут последствия для семьи, межличностных отношений, индивидуального развития, публичной политики, финансирования пенсий по старости и т.д. Не будет ли одно из главных достижений человечества погублено социальными, экономическими и политическими вызовами?

В последней главе Д. Троянски дает обзор наиболее беспокоящих тем и последних значимых работ по проблемам старости и старения. Среди этих тем – пространства для старения, миграция старых людей, старение и сексуальность, здоровье и болезни, раса и этничность, межпоколенческие отношения, исключение (включение) из материальных ресурсов, социальных отношений, гражданской активности, идеи «успешного старения» и т.д. Еще одна тема, популярная в геронтологической литературе, – нарративы старения, в рамках изучения которых исследователи проявляют интерес к тому, как люди вписывают свои жизни в существующие истории и как они проживают ста-

рение.

Представленный обзор исследовательской литературы, основных тем и сюжетов по истории старости и старения показывает, насколько разнообразен этот опыт, как исследователи в зависимости от принадлежности к той или иной научной школе, историографической традиции утверждали или меняли свои взгляды на старость, наконец, как много историческая наука почерпнула из взаимодействия с антропологией, социологией, демографией, геронтологией. Еще одним достоинством книги является отсутствие явных алармистских предостережений: там, где старение воспринимается как проблема и вызов, происходят и очевидные положительные перемены в жизни пожилых и старых людей. Следует отметить, что в центре внимания большинства работ, на которые опирается Троянски, находятся и мужчины, и женщины. Несмотря на то что большинство исторических источников, особенно по ранним периодам, повествуют больше о старении мужчин, автор прослеживает историю старения женщин начиная с анализа культурных репрезентаций в античности и заканчивая феминистскими исследованиями возраста, в которых делается акцент на постменопаузном опыте в жизни женщины.

В мировой истории старения Д. Троянски Россия присутствует наряду с другими странами. В главе о старости в контексте колониализма, империализма и деколонизации отмечено воздействие революционной риторики первой четверти XX в. на статус пожилых, а в главе о старении в глобальном контексте дан краткий обзор положения старых людей в Российской империи, представлен взгляд на распространенную практику помощи родственникам или крестьянской общины старым людям, отмечено слабое развитие пенсионного обеспечения до революции и последующее широкое распространение пенсий в СССР, обозначены кардинальные трансформации в отношении к старым людям и их статуса после распада Советского Союза [р.107–108]. Безусловно, в написании глобальной истории старения всегда будут существовать ограничения и необходимость сокращения содержательного материала. В соответствии с замыслом автора упоминание России и стран Восточной Европы укладывается в контекст распада социалистического блока, перехода в новую политическую, экономическую реальность и столкновения с теми же вызовами демографического старения населения, перед которыми оказался Запад несколькими десятилетиями и даже столетиями ранее.

Обзор, посвященный российской истории, достаточно схематичен, но предполагается, что любознательный читатель может продолжить изучение темы, обратившись к рекомендованной литературе в конце каждой главы². Однако два представленных исследования по России (1982 и 1993 гг.)³ вряд ли помогут тем, кто интересуется советским периодом, в который появились современные очертания старости, отношения к старым людям и сформировались представления и репрезентации, до сих пор продолжающие влиять на восприятие и существование старшего поколения в России.

Принимая во внимание авторский замысел и все ограничения, возникающие при написании книги в формате «глобальной истории», хотела бы немного расширить круг исследовательской литературы и проблем, которые могли бы привлечь историков, заинтересовавшихся вопросами старения и старости в российской истории XX в.

Британская исследовательница Пэт Тан в сборнике статей «Долгая история старости» (2005 г.) достаточно много внимания уделяет СССР в обзоре проблем старости и старения в XX в., отмечая серьезные различия в восприятии и статусе пенсионера в СССР и на Западе. Если в Европе и Северной Америке пенсионер долгое время ассоциировался с нуждающимся в помощи государства, то в СССР власти в силу разных причин пытались избежать ассоциативных связей между пенсией и уходом с работы, поощряя продолжение трудовой активности на пенсии [The Long History of Old Age, 2005].

Одна из работ британского исследователя Стивена Ловелла посвящена изучению публичного дискурса старения и старости, касавшегося сферы трудовых отношений, социальной защиты, медицины, в Советском Союзе в межвоенный период. Он проследил, как в 1920–1930-е гг. дискурс старости менялся от отрицания старых людей и восприятия их как «вымирающего класса» к репрезентациям жизненного пути советских пожилых и старых граждан, где присутствовали критика дореволюционного полного несправедливости и страданий прошлого, благодарность за настоящее и реклама «счастливой старости» для будущих пенсионеров [Lovell, 2003]. В другой работе С. Ловелл затрагивает вопросы поколенческой истории в России и роли в ней старшего поколения как

группы сверстников с общим опытом и/или ценностями, отличающими их от других поколений. Автору интересны конкретные факторы, обстоятельства, которые позволяли бы политический, социальный, культурный конфликт или перемены рассматривать как результат именно поколенческих различий [Lovell, 2007]. В целом все статьи Ловелла касаются советского решения более общих европейских проблем возрастной категоризации общества в период индустриализации, урбанизации и бюрократизации, проблем падения рождаемости и старения населения, с которыми Россия столкнулась не после распада СССР, а после Второй мировой войны, как и все европейские современные общества.

В связи с этим практически весь спектр проблем, сюжетов, обозначенных Д.Троянски в его детальном историографическом обзоре, может быть рассмотрен на российском историческом материале XX в. с учетом важности взаимодействия с отечественными и зарубежными социологами, психологами, демографами, геронтологами, начавшими подобные исследования ранее⁴. К их числу можно отнести исследования прародительства, институционализации роли бабушки в советском обществе, медиализации старости, дискурса заботы, активной старости, личного опыта старения, опыта, связанного с ожиданием и выходом на пенсию у разных поколений старых людей, меж- и внутр поколенческих отношений с позиций как молодых, так и старых людей, общественной активности пенсионеров, воспринимавших себя группой по интересам и действующих коллективно в рамках советов пенсионеров, женсоветов, народных дружин или частью сообщества, заслуживающего определенных привилегий, и т.д.⁵ Обращение к теме старости, положения старых людей в российском обществе XX в. может кардинально изменить наши представления о советском проекте и роли старшего поколения в его воплощении.

Книга Дэвида Троянски будет интересна историкам, только начинающим заниматься темой, как и исследователям, знакомым с ней. Она является удобным путеводителем по историографическим традициям и направлениям, подходам и методам, темам и историческим источникам, практически не имеющим географических ограничений. Знакомство с изданием, а также с той литературой, на которую автор опирается, дает возможность понять, как важна открытая международная дискуссия по вопросам старости и старения, кооперация разных дисциплин для совместного решения проблем пожилых и старых людей, для работы с последствиями демографического старения населения.

Примечания

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-59003.

² Рамки статьи не позволяют упомянуть всех авторов и их работы, на которых основывается обзор Троянски. Приведем лишь некоторые из них: Cole T. *The Journey of Life: A Cultural History of Aging in America*. Cambridge, 1992; Banner L. *In Full Flower: Aging Women, Power, and Sexuality*. New York, 1992; *Women and Aging in Britain since 1500*. London, 2000; Laslett P. *A Fresh Map of Life: The Emergence of the Third Age*. London, 1996; Premo T. *Winter Friends: Women Growing Old in the New Republic*. Urbana, 1990; Achenbaum A. *Historical Perspectives on Aging*// *Handbook of Aging and the Social Sciences*. London, 1995.

³ Lindenmeyr A. *Work, Charity, and the Elderly in Late-Nineteenth-Century Russia*// *Old Age in Preindustrial Society*. New York, 1982; Velkoff V., Kinsella K. *Aging in Eastern Europe and the Former Soviet Union*. 1993.

⁴ В 2005 г. вышел специальный выпуск журнала «Отечественные записки» (№ 3 (24)) под названием «Стареть по-русски», посвященный культурным, экономическим, демографическим аспектам старения в России и за рубежом.

⁵ Edele M. *Soviet Veterans of World War II: A Popular Movement in an Authoritarian State, 1941–1991*. Oxford, 2008; Tiaynen T. *Babushka in Flux: Grandmothers and Family-making between Russian Karelia and Finland*. Tampere, 2013 и др.; Зеликова Ю.А. *Стареющая Европа: демография, политика, социология*. СПб., 2014; Краснова О. В. Роль бабушки: Сравнительный анализ // *Психология зрелости и старения*. 2000. № 2 (10). С. 89–115; Ромашова М.В. «Дефицитная» бабушка: советский дискурс старости и сценарии старения // *НЛО*. 2015. № 3 (133). С. 55–65; Семенова В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // *Судьбы людей: Россия XX век*. М., 1996. С. 326–355 и др.

Библиографический список

- Troyansky D.* *Aging in World History (Themes in World History)*. New York, London: Routledge, 2016. 152 p.
- Thane P.* *Social Histories of Old Age and Aging*// *Journal of Social History*. 2003. № 37. P. 93–111.
- Lovell S.* *Introduction*// *Generations in Twentieth Century Europe*. Basingstoke: Palgrave, 2007. P. 1–18.

Lovell S. Soviet Russia's Older Generations// Generations in Twentieth Century Europe. Basingstoke: Palgrave, 2007. P. 205–226.

Lovell S. Soviet Socialism and the Construction of Old Age// Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 2003. № 4 (51). P. 564–585.

Harris S. We Too Want to Live in Normal Apartments: Soviet Mass Housing and the Marginalization of the Elderly under Khrushchev and Brezhnev// Soviet and Post-Soviet Review. 2005. № 2–3 (32). P. 143–174.

The Long History of Old Age. London, 2005. 320 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 01.12.2016

WORLD HISTORY OF AGING: FROM ANTIQUITY TO MODERNITY

M. V. Romashova

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
romasha09@gmail.com

The paper presents some reflections on the problem of old age raised by David Troyansky in the book «Aging in World History» (Themes in World History). Aging of population has become an issue of worldwide concern, a challenge to the society, authorities, and social support system, but it also opened new possibilities for the elderly. The old age experience has become the norm. It strengthened the interest to the history of old age that leads to the studies of what the aging ways were in past; what people could expect in their later years; how they represented old age, and how other people represented it; what traditional representations of the elderly continue to shape people's lives; how to avoid concerns and fears dedicating to natural aging; whether society is ready to confirm a changing role, needs and possibilities of elderly people. Historiography's discussions, methods and approaches to the history of old age are considered. The main theme sections and research issues of the analyzed book are defined. The literature on the Soviet history of old age is examined shortly.

Key words: old age, demographic aging, representations, modernization, medicalization, gerontology, global context.

References

Harris, S. (2005), "We Too Want to Live in Normal Apartments: Soviet Mass Housing and the Marginalization of the Elderly under Khrushchev and Brezhnev", *Soviet and Post-Soviet Review*, № 2–3 (32), pp. 143-174.

Lovell, S. (2003), "Soviet Socialism and the Construction of Old Age", *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*, № 4 (51), pp. 564–585.

Lovell, S. (2007), "Introduction", in *Generations in Twentieth Century Europe*, Palgrave, Basingstoke, pp. 1-18.

Lovell, S. (2007), "Soviet Russia's Older Generations", in *Generations in Twentieth Century Europe*, Palgrave, Basingstoke, pp. 205–226.

Thane, P. (2003), "Social Histories of Old Age and Aging", *Journal of Social History*, № 37, pp. 93–111.

The Long History of Old Age (2005), Thames and Hudson Ltd, London, 320 p.

Troyansky, D. (2016), *Aging in World History (Themes in World History)*, Routledge, New York, London, 152 p.